

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

М.Ю. Лаптева

АГРАРНЫЙ СТРОЙ ГОМЕРОВСКОЙ ИОНИИ

В VIII–VI вв. до н. э. греческие полисы Ионии, располагавшиеся в плодородных долинах западного побережья Анатолии (ограниченные на севере и юге впадающими в Эгейское море реками Герм и Меандр), занимали лидирующие позиции в греческом мире во всех сферах хозяйственного быта, в области социальных, политических и культурных новшеств. Непосредственно контактируя с рядом ближневосточных государств – Фригией, Лидией, державой Ахеменидов, они считались в архаический период экономическими и культурными посредниками между Востоком и Западом.

В основе всех этих достижений несомненно были начинания, предпринятые ионийскими греками в предшествующий, так называемый Гомеровский, период, датируемый XI–VIII вв. до н. э., который (отчасти из-за немногочисленности свидетельств о нем, отчасти же из-за недоверчивого или пренебрежительного отношения некоторых современных историков к легендарно-исторической традиции и поэмам Гомера как историческому источнику) именуется «темными веками» в истории Греции.

Но справедливо ли это по отношению к поселениям Гомеровской Ионии, основанным в XI в. до н. э. многочисленными греческими племенами после гибели в конце XIII–XII вв. ведущих центров Микенского мира? Ответить на этот вопрос можно лишь при условии рассмотрения всех разнотипных источников по истории ионийских греческих поселений XI–VIII вв. до н. э. Настоящая статья посвящена одной из сторон хозяйственного развития этих поселений – аграрному строю.

Наши представления относительно ионийских поселений XI–VIII вв. и их хозяйственном быте основываются главным образом на двух источниках: археологических комплексах и свидетельствах Гомера. К числу первых относятся скопления керамики протогеометрического и раннегеометрического стилей в местах ионийских поселений, остатки строений овальной, апсидальной и прямоугольной формы (Клазомены, Милет, Смирна, Эмпорио на Хиосе), руины сохранившихся поселений и их оборонительных сооружений (Милет, Смирна, Эмпорио), остатки некрополей, единичные находки металлических и керамических изделий этого времени.

Поэмы Гомера представляют обобщенную картину аграрной жизни греков гомеровской поры. Несомненно, какие-то черты хозяйственного быта в описании Гомера – это воспоминания о богатствах и благополучии знатных семейств микенского времени, чьи потомки оказались в ходе миграции в Ионии. Но в целом, учитывая ионийские корни Гомера (е. г.: Strab., XIV, 28, p. 643; 35, p. 645; 37, p. 646)¹ и принадлежность социально-экономических реалий (в отличие от героических сюжетов), «им описываемых» ко времени,

ему современному или недалеко от него отстоящему (т. е. к X–IX вв. до н. э.), мы можем рассчитывать на передачу достоверных свидетельств об облике именно ионийских поселений, а также на сохранение поэтом свидетельств об основных хозяйственных занятиях ионийских поселенцев и их качественной специфике.

К этому следует добавить, что археологическое изучение греческих поселений Малой Азии во второй половине XX в. позволило исследователям соотнести некоторые гомеровские сюжеты, ранее воспринимаемые как поэтическая фантазия Гомера или микенские реминисценции, с ионийскими реалиями. Речь идет о раскопках Старой Смирны, предпринятых в 1949–1952 гг. англо-турецкой экспедицией под руководством Дж. Кука и Э. Акургала. Как замечают многие исследователи, описание Гомером главного города феаков – Схерии – воспроизводит характерные черты раскопанного в середине XX столетия поселения ионийцев Смирны². Именно с этим поселением чаще всего связывает традиция Гомера. Все это делает возможным при воссоздании хозяйственного строя и облика ионийских поселений опереться не только на данные ионийской археологии, но и использовать свидетельства поэм Гомера, в которых, конечно, нельзя искать точной копии хозяйственного быта какого-то конкретного ионийского поселения, но можно во всяком случае надеяться, что они воссоздают облик типичного ионийского полиса послемиграционной эпохи.

Основой хозяйственной жизни вновь основанных ионийских поселений в «темные века» было сельское хозяйство, прежде всего земледелие. Это убеждение основывается на поэмах Гомера, отражающих общий дух послемиграционного периода, на фрагментах легендарно-исторической традиции о начальных периодах истории Ионии и отчасти на данных археологии.

Существует, впрочем, мнение, отчетливо и аргументированно выраженное английским профессором Э. Снодграссом, что в период, наступивший после миграций (который Снодграсс в духе традиции англо-американской историографии называет «темными веками»), основным хозяйственным занятием греков было скотоводство, а основным продуктом питания в силу этого стало мясо. Главным доводом для Снодграсса, не считающего поэмы Гомера источником по данному вопросу, являются статуэтки домашних животных, в большом количестве обнаруженные в святилищах гомеровского времени, и кости животных в погребениях, что отражает, как считает исследователь, представления греков того времени об основных продуктах питания умерших. Переход к пашенному земледелию и зерновому хозяйству начинается, как считает Снодграсс, только с VIII в. до н. э., что видно по моделям зернохранилищ, появляющихся в погребениях, а также их остаткам, найденным при раскопках некоторых поселений (например, Смирны). Недостаток земель, по мнению Снодграсса, начинает ощущаться только в VIII в. и это, по его мнению, тоже свидетельствует о том, что земледелие получает развитие в греческих (в том числе и в ионийских) поселениях только к концу «темных веков»³.

Однако подобные доводы не кажутся нам убедительными. Можно предположить, что уже в первые века своей малоазиатской истории ионийские поселения были преимущественно аграрными. Так, если брать во внимание только археологию Гомеровской Ионии, то очевидно, что в слоях поселений этого времени, а также в святилищах и погребениях были обнаружены не только кости жертвенных животных, но и керамика. Некоторые ее типы (ойнохои, амфоры) показывают, что в жертву богам, на погребальные и поминальные тризны могло приноситься вино и оливковое масло, а также другие продукты (зерно, мед), как, например, в «Илиаде» в сцене погребения Патрокла и принесения жертв умершим (II, XXIII, 163 sqq; Od., XI, 23 sqq)⁴.

Археология тоже свидетельствует в пользу аграрного характера ионийских поселений. На прилегающих к Милету холмах, заселенных ионийцами к концу гомеровского времени, найдены прессы для оливок, транспортные амфоры для вина, а палеоботанический анализ геометрических слоев Милета выявил триаду культур (зерновые, олива, виноград), которые издревле выращивались в Средиземноморье и продолжали культивироваться греческими общинами и после переселения в Малую Азию⁵.

Кроме этого, есть и другие доводы относительно изначально земледельческого характера ионийских поселений уже в XI в. до н. э. Все ранние ионийские поселения были расположены в долинах прибрежной полосы и анатолийских рек, впадающих в Эгейское море, причем таким образом, что каждое поселение господствовало над какой-либо плодородной равниной⁶.

Протяженность Ионии от Фокеи до милетского мыса Посидия составляла во времена Страбона 3430 стадий вдоль морского побережья (т. е. примерно 610 км). Долины, освоенные ионийцами к концу Гомеровского периода, уходили вглубь малоазийского полуострова приблизительно на 3–40 км (Strab., XIV, 1, 2; 10). Таким образом, общая площадь этой освоенной ионийцами сельскохозяйственной территории хотя и не была слишком большой, но она соразмерима с площадью крупных балканских полисов, таких, как Спарта.

Величина сельскохозяйственной округи, подвластная отдельным поселениям, в сочетании с особенностями местоположения на реках и в морских заливах, а также военно-политический фактор (т. е. конкретные успехи в борьбе за плодородную землю с местными племенами или греческими общинами) предопределяли не только размеры каждого отдельного поселения, но и своеобразие его экономики в дальнейшем, а также степень его участия в колонизации архаического периода.

От качества этого изначально доставшегося или завоеванного жизненного пространства во многом зависело (хотя и не определялось всецело) политическое значение каждого поселения. Варианты экономического развития, основы которого закладывались в этот период, могли быть самые различные. Так, например, Эфес и Колофон овладели в XI–IX вв. до н. э. устьем р. Каистра и долиной вдоль устья реки, а также к северу от нее. Им принадлежали отдельные поселения и по побережью морского залива к югу от Эфеса. Обладание столь обширными сельскохозяйственными угодьями позволило им в дальнейшем удовлетворять свои экономические потребности, не прибегая позднее, в архаический период, к значительному развитию морской торговли и колонизации. Как считает К. Рэбак, знаменитая колофонская конница появилась именно благодаря наличию обширных сельскохозяйственных угодий этого поселения⁷.

Другие два полиса – Фокея и Лебед – первоначально освоили небольшую сельскохозяйственную территорию. Однако Лебед не был так удачно расположен, как Фокея, находившаяся у входа в залив Смирны и таким образом занимавшая более удобные позиции в прибрежном ионийском мореплавании. Вследствие этого в архаический период Лебед остался полисом второстепенного значения. Фокея же превратилась в процветающее государство благодаря морской торговле и активной колонизации⁸.

Что же касается Смирны, то она была основана эфесцами на западной кромке большой плодородной равнины, уходящей вглубь малоазийского полуострова между реками Герм и Каистр. Несмотря на удобное расположение в глубине залива, доминирующими в ее хозяйственных делах оказались аграрные интересы. По-видимому, обладая обширными землями, Смирна, как и Колофон, расположенный на этой же равнине южнее, не участвовала в основании колоний, хотя нельзя исключить ее участие во внешней

торговле, что следует из ее местоположения и наличия в городе уже в Гомеровский период двух гаваней⁹.

О земледельческом характере ионийских поселений свидетельствуют и такие факты, как внутренняя колонизация в первые века их истории, войны ионийских общин друг с другом, а также с окружающими анатолийскими племенами за плодородные земли. Если говорить о внутренней колонизации, то археологическое изучение ионийских поселений и данные традиции показывают, что, помимо двенадцати известных в архаический период ионийских поселений, на их территории начиная со времени миграции существовали менее значительные общины, как греческие, так и карийские, подчиненные им политически.

Так, например, основанная еще ахейцами Пигела находилась на земле Эфеса (Strab., XIV, 1, 20, p. 639), Маратесий и Анея изначально принадлежали Самосу (Irid; Paus., VII, 4, 3). На Хиосе было несколько общин, в том числе Эмпорио, подчиненные в архаический период главному поселению – Хиосу¹⁰. Смирна, прежде чем стать эолийской, была основана поселенцами из Эфеса (Strab., XIV, 1, 4, p. 633–634). На землях Милета, расположенных преимущественно на Милетском полуострове и к юго-востоку от него, было издревле несколько поселений, в том числе карийские Ассес и Тейхиусса¹¹. По видимому, в течение XI–IX вв. до н. э. шел процесс освоения ионийцами плодородных земель западного побережья Малой Азии, в ходе которого от первоначальных поселений, основанных мигрантами, могли отпочковываться дочерние, не получившие, впрочем, в ходе своего дальнейшего развития независимого политического статуса.

Возможен был и другой путь возникновения зависимых поселений: ионийские переселенцы, как правило, занимавшие существовавшие ахейские поселения, подчиняли себе соседние ахейские или местные (например, карийские) общины. Так, Пигела, основанная после гибели Трои ахейцами, воинами Агамемнона, относилась к хоре Эфеса (Theop., FgrHist 115 F 59; Strab., XIV, 1, 20, p. 639). Примером местных карийских поселений, продолжавших автономно существовать на земле, захваченной ионийцами, могут считаться уже упомянутые Ассес и Тейхиусса, находившиеся в милетской хоре¹².

Во время этой внутренней колонизации сталкивались между собой, с одной стороны, интересы различных общин ионийских поселенцев, а с другой – интересы ионийцев и местного населения. Поэтому ранняя политическая история Ионии – это бесконечные войны между ионийскими поселениями и между отдельными ионийскими поселениями (а иногда и несколькими сразу) против местных общин за необходимое им жизненное пространство. Память об этих мелких на взгляд современного исследователя, но значимых для самих ионийцев событиях сохранила легендарная традиция многих ионийских поселений.

Павсаний упоминает о войне между самосцами, возглавляемыми базилеем Леогором, и эфесянами во главе с базилеем Андроклом, ойкистом ионийского Эфеса. Война закончилась завоеванием Самоса эфесянами и изгнанием его жителей. Впрочем, через десять лет Леогор отвоевывает остров у эфесян и изгоняет их (VII, 2, 8–9; 4, 2–3). Колофон увеличивает свои владения, захватывая эолийский город Смирну (Her., I, 149–150). Самос и Приена несколько столетий оспаривали друг у друга поселение Батинеты на полуострове Микале¹³. В период эллинизма разбиравшие этот спор арбитры искали корни данного конфликта в глубокой древности, т. е. в Гомеровском периоде.

Традиция сохранила также воспоминания о войнах ионийских поселенцев с местным анатолийским населением: племенами карийцев, лелегов, абантов и лидийцев. Ионийские переселенцы, утверждаясь в Милете, жестоко истребляют местное карийское

население (Her., I, 146; Strab., VII, 7, 2, p. 321; XIV, 1, 3, p. 632), а затем продолжают экспансию на полуострове Микале, завоеывая там новые земли¹⁴. Гектор, базилий Хиоса, ожесточенно борется с карийцами и абантами: он вытесняет их с острова, за что получает награду на общем собрании ведущих ионийских общин (Paus., VII, 4, 9–10). Андрокл, ойкист Эфеса, воюет с карийцами и лидийцами не только на эфесских землях, но и помогает ионийцам Приены в их столкновениях с местными карийцами, погибая в одной из войн (Strab., XIV, 1, 21, p. 640; Paus., VII, 2, 9).

В VIII в. до н. э. произошла война между союзом ионийских общин и карийским поселением Мелией, расположенным на полуострове Микале (Vitr., IV, 1, 3–5). После ее завершения на собрании членов Панионийского союза был произведен раздел земель Мелии и урегулированы территориальные споры между Милетом, Колофоном, Приеной, Самосом и Эфесом относительно нескольких поселений на полуострове Микале и ионийском побережье Эфесского залива между Микале и Эфесом¹⁵.

В эллинистической надписи начала II в. до н. э., представляющей арбитражное решение (которое опиралось на историческое предание об этой войне) относительно территориальных споров Самоса и Приены, этими поселениями времени Мелийской войны, являющимися спорными территориями, помимо самой Мелии, названы: Анея, Батинеты, Дриуса, Карион, Маратесий, Пигелы и Фебы (Inscripfen von Priene, 37, vs. 44–60). В результате раздела земель Милет получил Фебы и Маратесий. Взамен Маратесия самосцы получили от милетян местность, название которой в надписи об арбитраже родосцев начиналось с А или А1 (vs. 57)¹⁶. За Самосом были также закреплены Батинеты и Пигела. Приенцы получили Карион и Дриуссу. Колофон уступил Анею (vs. 59–60).

Это распределение земель между ионийскими поселениями не было окончательным и в дальнейшем, в архаический период. Мы видим продолжение земельных конфликтов между ионийцами, иногда выливавшееся в вооруженные столкновения. Наиболее ярким примером могут служить многовековые территориальные претензии друг к другу Самоса и Приены по поводу спорных земель на полуострове Микале¹⁷.

Если вернуться к Гомеровскому периоду, то в источниках показан конечный результат территориальной экспансии ионийцев: коренное население прибрежных областей Ионии, вероятно, уже к концу Гомеровского периода было вытеснено со своих первоначальных мест проживания и оттеснено вглубь малоазийского полуострова (Strab., XIV, 1, 3, p. 632). Таким образом, жизнь первых ионийцев в Малой Азии не была спокойной и замкнутой в границах собственной общины. Одной из главных задач переселенцев было утверждение на новых землях в борьбе с местными земледельческими племенами и далее – отстаивание и приумножение завоеванного жизненного пространства, которое происходило и в войнах с местным населением, и в столкновениях ионийцев друг с другом.

Заметим при этом, что легендарная и историческая традиция, а также эпиграфические источники опровергают утверждения некоторых исследователей о том, что у первых ионийцев были большие возможности расширения земельных хор вглубь малоазийского полуострова в условиях отсутствия на этой территории крупных государственных образований¹⁸.

Напротив, с начала появления ионийцев в Малой Азии возможности освоения новых земель были ограничены. Острота земельного вопроса в жизни ранних ионийцев видна также в легенде, рассказанной Кононом (44) и Николаем Дамасским (FgrHist 90 F 52) о соперничестве за власть в Милете двух представителей рода Нелеидов – Леодама и Фитрета (Амфитрета). Соперники возглавляют две военные кампании против каристян

и мелийцев¹⁹, с которыми в то время воевали милетяне. Завоевав для Милета Карист, Леодам получает от народа и обещанную победителю власть в общине. Эпическим отражением напряженности земельных отношений в Ионии можно считать метафору Гомера в «Илиаде» — знаменитый спор о меже (XII, 420):

Два человека, соседы, за межи раздорят,
Оба с саженью в руках на смежном стоящие поле,
Узким пространством делимые, шумно за равенство спорят.

Пер. Н. И. Гнедича

Как бы ни интерпретировать данный сюжет: спор за невозделанную общинную землю, ссора соседей относительно разделяющей их владения границы, спор за наследство²⁰, эта сцена отражает типичные проблемы в использовании пахотной земли, за которыми могут стоять ограниченные возможности расширения земельного пространства для греческих поселений гомеровского времени, в первую очередь, учитывая происхождение Гомера, для Ионии.

Думается, также не случайно появление среди картин мироздания, изображенных Гефестом на щите Ахилла, сюжета с осажденным врагами укрепленным греческим поселением (II, XVIII, 509 sqq). Хотя прямые аналогии с каким-либо конкретным поселением Ионии или историческим сюжетом Гомеровского времени вряд ли приемлемы, но, несомненно, в подобного рода метафорах и эпических сюжетах отразились личные житейские наблюдения поэта, тем более для нас ценные, что он жил в одном из ионийских поселений (вероятнее всего, в Смирне) на рубеже IX–VIII вв. или в самом начале VIII в. до н. э. Гомеровские поэмы показывают чисто аграрное общество, не затронутое урбанизацией. По справедливому замечанию К. Рэбака, богатство и благополучие в нем измеряются землей²¹.

Следует отметить, что эти постоянные земельные конфликты первых ионийцев друг с другом и с местным населением были вызваны не только перенаселенностью плодородной прибрежной полосы Малой Азии уже в гомеровские времена, но и тем, что земледелие было основой их жизнедеятельности.

Изначально земледельческий характер ионийских поселений виден и в основании святилищ хтонических богов ойкистами ионийских поселений, в частности святилищ Деметры Элевсинской в Милете и Эфесе (Her., IX, 97; Strab., XIV, 1, 3, p. 633).

Дальнейшая аграрная история ионийских поселений в архаический период также характеризует их как земледельческие в своей основе. Так, например, Магнесия на Меандре имела славу полиса с плодородными землями. Рассказывая об этом городе, Страбон подчеркивает его своеобразие сообщением, что персидский царь Ксеркс подарил ее Фемистоклу «на хлеб» (XIV, 1, 10, p. 636)²². Основным богатством Милета в период его войн с лидийским царем Алиаттом тоже считался хлеб (Her., I, 17–22). Во время гражданских междоусобиц в Милете VI в. до н. э. примирители милетян — паросцы отдают власть добросовестным хозяевам-землевладельцам (Ibid., I, 28–29). Все это предполагает, что основным занятием гражданского населения в Милете, не только архаического, но и предшествующего периода, было земледелие.

Действительно, на протяжении всего архаического периода ионийские полисы развиваются в аграрном направлении, экспортируя продукты сельского хозяйства: вино, оливковое масло, шерсть, причем Хиос начинает экспортировать свое знаменитое вино уже в VIII в. до н. э.²³ Все эти успехи предполагают не только развитие сельского хозяйства в предшествующий Гомеровский период, но и его достаточно высокий уровень к концу

этого периода: вероятно, уже к концу IX в. до н. э. сельское хозяйство ионийских поселений приобретает специализированный характер.

Появление специализированного сельского хозяйства в Ионии в XI–IX вв. до н. э. можно рассматривать как возвращение к традициям микенской агрокультуры²⁴. Отметим также, что без признания сельского хозяйства основой экономики Ионии в XI–IX вв. до н. э. не объяснима будет та роль, которую в политической истории Ионии архаического и классического периодов играли земледельческие слои населения.²⁵

Показателем высокого качества зернового хозяйства ионийцев является упоминаемая в поэмах Гомера интенсивная двух- трехразовая вспашка наделов с помощью воловьей упряжки (*ζεῦγος*), удобрение полей навозом, по-видимому, распространенные в Гомеровской Греции в целом²⁶ и на родине Гомера, в Ионии (II, XVIII, 541–543; Od., XVII, 297–299; XVIII, 371 sqq). Кроме того, поэмы Гомера содержат немало описаний орошаемых виноградников и садов со смешанными садовыми и огородными культурами, которые, надо полагать, выращивались не только в хозяйствах знати, но и на наделах рядовых земледельцев (е. г.: II, XVIII, 561–566; XXI, 257–262; Od., VII, 112–130; XXIV, 245–247; 340–344; cf.: II, XVII, 53–57). При этом следует заметить, что если в «Илиаде» типичными садовыми культурами являются олива и виноград, то в «Одиссее» встречаются экзотические для Греции и типичные для ближневосточных (особенно для ассирийских) садов груши, яблони, гранаты, смоковницы (они растут в садах Лаэрта, Тантала и Алкиноя)²⁷.

О характере земельных отношений этого периода мы можем судить (в самом общем виде) на основе гомеровского эпоса и косвенных данных археологии. Литературные источники и археология дают возможность предположить существование в Ионии XI–IX вв. крупных хозяйств, подобных ойкосу Одиссея и других гомеровских басилеев.

При раскопках древнего поселения на месте современного Эмпорио на южном побережье Хиосе, на обнесенной стеной вершине холма (высотой 230 м над уровнем моря), который археологи считают акрополем (его размеры 230×50 м), в слоях VIII в. до н. э. были обнаружены два крупных здания. Одно из них идентифицируется с храмом, построенным на месте более древнего алтаря. В другом – здании мегаронного типа (18,75×6,85 м) археологи видят дом правителя²⁸. На западном склоне крутого холма, на территории около 300×250 м, были раскопаны фундаменты 50 домов поселения, располагавшиеся террасами вокруг закрытой гавани, от которой шла дорога на акрополь. В этом поселении было два типа домов мегаронного вида с портиком в антах и одно- двухкомнатные небольшие квадратные или прямоугольные помещения.

Примером первого типа домов может считаться мегарон с очагом в центре зала, с входом, оформленным портиком с двумя колоннами в антах. Это здание примыкало к типичному для Эмпорио небольшому квадратному однокомнатному дому, в котором вдоль одной из стен шла спальная каменная скамья²⁹. Снодграсс считает дома мегаронного типа наиболее древними и восходящими к архитектурным традициям Бронзового века³⁰. В Эмпорио преобладал второй тип домов, он был распространен в греческих поселениях гомеровского периода в целом³¹.

С домами мегаронного типа соотносятся эпиграфические свидетельства о существовании в архаический период крупных земельных владений знати на Хиосе³². Очевидно, что эти владения возникли не в одночасье, а имели корни, уходящие вглубь Гомеровского периода.

В другом ионийском поселении – Смирне, в слоях протогеометрического периода найдено несколько строений апсидального типа. Одно из них, огороженное стеной, представляет

собой большой дом (10×5 м), состоящий из трех комнат³³. Окруженные дворами с круглыми зернохранилищами Дома Смирны VIII в. до н. э. вызывают у многих исследователей ассоциации с двором Одиссея, особенно с тем местом между стеной дома и житницей (толосом), в котором Телемах казнил изменивших Одиссею рабынь (Od., XXII, 440 sqq)³⁴.

Параллельным ионийскому археологическим подтверждением существования в Гомеровский период крупных хозяйств можно считать жилой комплекс IX–VIII вв. до н. э. поселения Загора на о. Андрос, идентифицируемый с царским дворцом³⁵.

Как нам представляется, жилые комплексы, подобные раскопанным в Смирне, на Хиосе и Андросе, говорят о существовании крупных хозяйств, подобных тем, которые мы встречаем в поэмах Гомера. Заметим в этой связи, что крупные земельные владения ионийской знати, обнаруживаемые в следующий, архаический период на Хиосе, Самосе и в Теосе, должны были в силу своей природы и происхождения восходить к теменам базилеев гомеровского времени, подобно наследственному темену Алкиноя, владыки феакийцев, дарованному ему феакийской общиной (Od., VI, 293–295; VII, 149–150).

Однако наиболее типичными для протогеометрических слоев поселений Смирны и Хиоса были небольшие индивидуальные хозяйства. Уже к упомянутым домам со скамейками в Эмпорио на Хиосе добавим свидетельства из Смирны. Большинство домов Смирны I–III слоев относятся к X–VIII вв. до н. э. Это бедные постройки из кирпича-сырца, поставленные на фундамент из не обработанных камней прямоугольной или овальной формы, однокомнатные, небольших размеров, крытые соломой, с дымовыми отверстиями под коньком крыши или в верхней части стен. Иногда они имеют небольшой портик на фасаде. Дж. Кук, раскапывавший Смирну, считал, что внутри эти дома были грязными, маленькими и темными³⁶. Как справедливо считал Ю.В. Андреев, подобный тип застройки характеризует низкий жизненный уровень граждан³⁷.

Для всего поселения этого периода была характерна ульевидная застройка: проходы между домами были узкие и кривые, а дома лепились друг к другу как пчелиные соты в ульях³⁸. К концу протогеометрического периода вокруг некоторых домов Смирны появляются дворы, как считают археологи, для скота и птицы. В некоторых дворах были найдены круглые в плане зернохранилища, частично углубленные в землю. Терракотовые модели этих зернохранилищ обнаруживают в погребениях Гомеровского периода³⁹. Это, конечно, свидетельствует о росте благосостояния части жителей Смирны. Но в целом в Гомеровский период скромные по размерам и однотипные дома преобладают как в Эмпорио, так и в Смирне, что говорит о незначительности имущественной дифференциации основной массы населения этих поселений.

Индивидуальная застройка Смирны и Эмпорио на Хиосе служит косвенным подтверждением существования в этот период индивидуального хозяйства и, следовательно, индивидуальной системы землепользования. Можно в целом согласиться с мнением Ф. Папазоглу, что поземельные отношения Гомеровского периода были просты: существовала система мелких земледельческих хозяйств, обрабатывавшихся без применения рабского труда⁴⁰. Однако в крупных хозяйствах ионийской знати, остатки ойкосов отдельных представителей которой мы видим в археологических комплексах Смирны и Эмпорио, труд зависимых людей и рабов несомненно использовался. Подтверждение этому мы находим у Гомера, чьи ионийские корни побуждают с большим вниманием отнестись к сюжетам аграрной жизни, которыми изобилуют его поэмы.

Сошлемся лишь на известные картины земледельческого труда (жатва, помол зерна) на землях и в домах гомеровской аристократии, в которых заняты зависимые свободные

(θητες) и домашние рабы (δοῦλοι, δμῶες): сцена жатвы на поле базилика, в которой заняты феты и их семьи, изображенная на щите Гефеста (II, XVIII, 550 sqq); перечень работ, которые в хозяйстве Евримаха выполняет фет (Od., XVIII, 357–359; cf. Od., XI, 489–490); помол зерна рабынями в хозяйствах Алкиноя и Одиссея (Od., VII, 103–104, XX, 105–108); рабы, работающие в саду у Лазрта (Od., XXIV, 206–210, 222–224). Рабы в поэмах Гомера заняты также в скотоводческом хозяйстве, что хорошо видно по ойкосу Одиссея (свинопас Эвмей, коровник Филойтий, козопас Меланфий, а также другие безымянные рабы-пастухи – Od., XIV, 101–102).

К этому можно добавить исключительно ионийские реалии, известные по эпиграфике и нарративным источникам. В архаический период на землях Милета и Приены работали зависимые земледельцы – педиеи и гергиты, которых исследователи считают потомками покоренного ионийцами еще в Гомеровский период местного населения из карийцев, лелегов и лидийцев⁴¹.

Представить какие-либо подробности поземельных отношений в это время, т. е. существовало ли индивидуальное наследственное землепользование или же сохранялись периодические переделы земли (как мера контроля за землепользованием всего общинного коллектива), на основании вещественных источников, без опоры на Гомера невозможно. Специальные исследования поэм Гомера, посвященные этой теме, показывают, что в гомеровском обществе отсутствуют такие черты родового или позднеродового общества, как сельская община и характерные для ее аграрных порядков периодические переделы земли. Основной хозяйственной ячейкой в поэмах Гомера выступает ойкос – хозяйство отдельной семьи. Наследственными становятся не только темены басилеев, но и клеры рядовых земледельцев⁴². О последнем свидетельствует еще то, что к концу Гомеровского периода в Ионии уже существовало специализированное сельское хозяйство. Разведение же оливы и винограда требовало закрепленных наделов⁴³.

Отметим еще один факт, показывающий уровень развития землевладения в Гомеровской Греции, следовательно, и в Ионии: появляются бесклерные и многоклерные представители греческих общин (ἄνδρες ἄκλαιοι, ἄνδρες ποῦκλαιοι – Od., XI, 490; XIV, 211), что говорит о фактическом движении земли за несколько веков до появления юридического права распоряжения своими наделами. К этим общим замечаниям, основывающимся на поэмах Гомера, добавим еще чисто ионийские наблюдения. В Ионии мы не видим признаков изначального разделения земли по филам, так как ионийские филы сложились в Ахαιе и Аттике еще до переселения ионийцев в Малую Азию и, вероятно, там пережили это разделение земель⁴⁴. В процессе миграции филы утратили свою целостность и чистоту, перемешавшись с другими неионийскими филами.

Миграция ионийцев представляла собой, как мы уже показали, переселение из различных районов, главным образом из Пелопоннеса и Средней Греции, небольших отрядов пореселенцев во главе с ойкистами. Очевидно, под руководством ойкистов, обладавших в период миграции исключительным политическим влиянием, происходил первоначальный раздел земли на клеры внутри образованного поселения. Это мы видим при описании Гомером истории возникновения Схерии, за которой, вероятно, стоит родина Гомера – Смирна.

Как нередко отмечается в литературе, в Схерии феаков воплотились непосредственные ионийские впечатления Гомера. Сейчас же присмотримся к описанию земельных установлений феаков. Схерия – поселение мигрировавшего народа во главе с ойкистом Навсифоем, который основал его вдали от населенных мест и торговых путей, побуждающих

людей к ремесленной и торговой активности: «вдали от людей трудящихся» (ἐκὰς ἀνδρῶν ἀλφειστῶν – Od., VI, 8), «от народов других в стороне, на последних пределах шумного моря» (Od., VI, 204–205).

Здесь на новой родине Навсифой построил феакийцам дома и храмы (ἐδείματο οἶκους καὶ νηοὺς ποίησε θεῶν), окружил поселение стенами (ἄμφι δὲ τεῖχος ἔλασσε πόλει), разделил пахотные земли на наделы (ἐδάσσατ' ἀρούρας).

Одиссей, следуя по маршруту, определенному ему Навсикаей, идет в город (полис) феаков от морского побережья через поля, «обработанные трудом человека» (VI, 259) и, как видно из пояснений Гомера в начале VI песни, разделенные на наделы. Перед городом находится темен Алкиноя, состоящий из плодоносного сада (τέμενος τεθαλυῖά τ' ἄλῳῃ – Od., VI, 293)⁴⁵ и расположенный вблизи священной рощи Афины. Другой сад Алкиноя находится рядом с его дворцом в городе феаков (VII, 112–130). В литературе минувшего столетия дворец и сад Алкиноя чаще всего рассматривались как поэтическая фантазия Гомера, ничего общего не имеющая с реальными прототипами, или как реминисценция микенского времени. В то же время существует и другой подход к этим сюжетам: дворец и сад царя феаков – Алкиноя являются эпическим отражением знаний ионийцев о дворцах и садах ассирийских царей. Эта информация пришла в восточно-греческие полисы благодаря разнообразным (в основном торговым) контактам греков с ближневосточными государствами⁴⁶.

Мы убеждены, что в этом эпическом сюжете предстает известная нам по данным археологии ионийская Смирна с типичными для ионийских поселений земельными порядками. Далее, если обратиться к свидетельствам исторической традиции о политической истории Ионии в Гомеровский период, то видно, что в течение XI–IX вв. до н. э. происходила дальнейшая политическая консолидация переселенцев в рамках созданного ими на новых землях Панионийского союза, связавшего политическими и культурными узами самые значительные из возникших общин. По-видимому, он также распределял в дальнейшем завоеванные и спорные земли между поселенцами, как это видно из истории, происходившей в VIII в. до н. э. Мелийской войны. В то же время были и не санкционированные захваты отдельными ионийскими общинами соседних земель и отдельные сепаратные соглашения, как это показывает история территориальных споров Самоса и Приены⁴⁷.

Таким образом, поэмы Гомера, археологические источники, данные исторической традиции об Ионии XI–VIII вв. до н. э. дают основания утверждать, что к концу Гомеровского периода в ионийских поселениях были довольно развиты земельные отношения: индивидуальное наследственное землевладение, утвердившееся как в теменах знати, так и в хозяйствах свободных и незнатных поселенцев. В этих хозяйствах выращивались не только зерновые, но и специализированные культуры оливы и винограда.

К этим интенсивным формам земледелия (виноградарству и оливководству), а также к ремесленным занятиям первые ионийцы, по-видимому, вынуждены были обращаться не только в силу унаследованной от микенских времен традиции, но и в связи с недостатком плодородных земель, а также из-за перенаселенности региона и постоянных войн за землю с местными общинами. Впоследствии, уже в архаический период, эти специализированные сельскохозяйственные и ремесленные виды деятельности стали для некоторых полисов основой их экономики.

Завершая сюжет о развитии сельского хозяйства, отметим, что в личных хозяйствах ионийцев гомеровского времени, помимо сельскохозяйственных культур, разводили

скот и домашнюю птицу. Ионийцы выращивали традиционные для греков породы скота: овец, коз, свиней, крупный рогатый скот. Кости этих животных обнаруживаются в погребениях западной Анатолии и в геометрических слоях изученных поселений (например, Милета⁴⁸). Подробности, относящиеся к разведению домашнего скота и птицы, преимущественно в крупных хозяйствах ионийской знати, мы можем представить по поэмам Гомера (e.g.: II., XVIII, 573–589; Od., VI, 130–134 – выпас стад; Od., IX, 81–184; 216–223; 236–249 – скотоводческое хозяйство Полифема; Od., XIV, 5–23, 96–104; XVII, 297–299 – скотоводческое хозяйство Одиссея; Od., XIX, 536–537 – стадо домашних гусей во дворе Одиссея).

В этой области некоторые ионийские поселения добились больших успехов. Так, в Колофоне выращивались кони, давшие известность этому поселению в гомеровскую и архаическую эпохи (Strab., XIV, 1, 28, p. 643). В этой связи можно отметить, что специализация архаического Милета на производстве шерсти и разнообразных шерстяных изделий, обозначившаяся уже в архаический период, предполагает наличие в предшествующий период, т. е. в Гомеровский, обширных пастбищ и скотоводства, прежде всего овцеводства.

Разведение домашней птицы было для ионийцев, как и для всех греков, новым, по сравнению с ахейским периодом, видом хозяйственной деятельности. Редкая в микенский период домашняя птица получает распространение в хозяйствах греков к концу гомеровского времени. Об этом свидетельствуют упоминания домашней птицы в поэмах Гомера (Od., XIX, 536–537), терракотовые фигурки кур в погребениях, изображения петухов в росписях восточногреческой, в том числе ионийской, керамики. Вероятно, домашняя птица была заимствована ионийцами с Востока, так как в классической Греции петухов все еще называли персидской птицей (Arist., *Aves*, vs. 483 sqq)⁴⁹.

Неотъемлемой частью хозяйственного быта греков Гомеровской Ионии были встречающиеся в источниках охота и рыбные промыслы, естественно дополнявшие сельскохозяйственные занятия⁵⁰. И здесь уместно вспомнить, что Иония в древности славилась не только прекрасным климатом, но и естественными богатствами, в частности лесом, камнем и богатой фауной (Her., I, 142; Strab., XIV, 1, 12, 15, p. 636–637; Paus., VII, 5, 4, 10–13).

В заключение мы намерены подчеркнуть, что период, последовавший за переселением в XI в. до н. э. многочисленных греческих племен на новую малоазийскую родину, вряд ли правомерно называть «темными веками». Напротив, это время, во всяком случае для ионийских греков, освещено археологическими свидетельствами и данными легендарно-исторической традиции и гомеровского эпоса. Хозяйственный быт ионийцев в XI–VIII вв. до н. э. вовсе не был примитивным, а их общины не были изолированы как от остального греческого мира, так и от стран Ближнего Востока. Если иметь в виду только одну отрасль хозяйственной жизни – сельское хозяйство, то можно заметить, что ионийцы не только принесли на новую родину традиции микенской эпохи, но и в течение Гомеровского периода продвинулись вперед, развивая специализированное сельское хозяйство и скотоводство, заимствуя при этом хозяйственные достижения восточных соседей. Эти контакты были особенно плодотворны в сфере ремесла и торговли.

¹ О том, что Гомер жил в одном из полисов Ионии, свидетельствуют некоторые его метафоры, обозначающие в нем ионийца: воспоминание о подробностях жертвоприношения во время Панионийского праздника (II., XX, 403–405), описание полета журавлей в плодородной долине ионийской реки Герм (II.,

II, 459–466), протекающей недалеко от Смирны. Он также знает, что расстояние от Схерии (прообраза гомеровской Смирны) до Эвбеи составляет один день по морю. О ионийском происхождении Гомера см.: *Huxley G.L. The Early Ionians*. New York, 1972. 2nd ed. P. 40–46.

² Андреев Ю.В. Раннегреческий полис // Раннегреческий полис (Гомеровский период). Избр. ст. СПб., 2003. С. 76–79; *Cook J.M. Old Smyrna, 1948–1951* // *ABSA*. 1958–59. N 53–54. P. 12; *Snodgrass A.M. The dark age of Greece*. New York, 2000. 2nd ed. P. 435.

³ *Snodgrass A.M. The dark age of Greece*. P. 378–380.

⁴ Об аналогичных археологических артефактах из других поселений греческого мира X–VIII вв. до н. э. см.: *Coldstream J. Geometric Greece*. London, 1977. P. 312–313.

⁵ *Greaves A.M. Miletos: A History*. London; New York, 2002. P. 24–30.

⁶ *Cook J.M. Greek Settlements in the eastern aegaeon and Asia Minor* // *САН*². 1975. Vol. II. Pt 2. P. 796–797; *Roebuck C. Ionian trade and colonization*. New York., 1959. P. 16–17.

⁷ *Roebuck C. Ionian trade...* P. 11, 34.

⁸ *Ibid.* P. 10–12, 14, 16; *Akurgal E. Ancient civilizations and ruins of Turkey*. Istanbul, 1990. P. 116–117; *Bean G.E. Aegean Turkey. An archaeological guide*. London, 1966. P. 151–153.

⁹ *Cook J.M. Old Smyrna, 1948–1951*. P. 11–12, 15, fig. 3. 2nd ed.; о морской торговле Смирны см.: *Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток*. М., 1990. С. 27.

¹⁰ *Roebuck C. Ionian trade...* P. 7, 9, 16.

¹¹ Об этих поселениях на земле Милета см.: *Cook J. M. Some sites of the Milesian territory* // *ABSA*. 1961. N. 56. P. 90–91.

¹² *Ibid.*

¹³ Этот конфликт был подробно описан в Самосской политике Аристотеля (P. 576 Rose=Zenob. prov. 6. 12) и у Плутарха (*Quest*. 20. P. 296 f – b).

¹⁴ См. далее о приобретениях Милета на полуострове Микале после Мелийской войны.

¹⁵ Подробнее о Мелийской войне и о дискуссионных вопросах ее истории в связи с историей Панионийского союза см.: *Кулакова А.П. Образование Панионийского союза* // *Проблемы античной истории*. СПб., 2003. С. 30–41; *Wilamowitz-Moellendorf U., von. Panionion* // *Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akad. der Wiss.* Berlin, 1906. S. 38–57; *Caspari M.O.B. The Ionian Cofederacy* // *JHS*. 1915. Vol. 35. P. 173–188; *Roebuck C. The Early Ionian Leage* // *Cl. Ph.* Vol. 50. 1955. N 1. P. 26–40; *Kleiner G. Entdeckung und Ausgrabung des Panionion* // *Neue Deutsche Ausgrabungen im Mittelmeergebiet und im Vorden Orient*. Berlin, 1959. S. 172–180; *Kleiner G., Hommel P., Muller-Winer W. Panionion und Melie*. Berlin, 1967; *Shipley G.A. History of Samos 800–188*. Oxford, 1987. P. 29–39; *Fogazza G. Per una Storia della Lega Ionica* // *Parola del Passato*. 1973. Vol. 28. P. 157–169.

¹⁶ Вероятно, она называлась Акадам (*Huxley G.L. The early ionians*. 2nd ed. New York, 1972. P. 48).

¹⁷ См. сноску 15.

¹⁸ *Свенцицкая И.С. Греческие города в составе Лидийского царства* // *ВДИ*. 1978. № 1. С. 26–27; *Cook R. Ionia and Greece in the Eighth and Seventh Century BC* // *JHS*. 1946 Vol. 66. P. 79–80; *Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East*. New York, 1962. P. 35, 46.

¹⁹ Мы считаем, что оба эти поселения были карийскими и находились на полуострове Микале.

²⁰ Подробнее об этом сюжете и проблемах гомеровского землевладения в целом см.: *Свенцицкая И.С. Некоторые проблемы землевладения по «Илиаде» и «Одиссее»* // *ВДИ*, 1976. № 1. С. 52–63; *Андреев Ю.В. К проблеме гомеровского землевладения* // *Социальная структура и политическая организация античного общества*. Л., 1982. С. 10–31.

²¹ *Roebuck C. Ionian trade...* P. 34, 40.

²² В то время как соседний Миунт был подарен Фемистоклу «на приправу» (δψον). Как считает Г. Бин, под приправой следует понимать рыбу, которой была богата область Миунта (Aegean Turkey. P. 44–245).

²³ Доватур А.И. Аграрный Милет // ВДИ. 1955. № 1. С. 27–38; Шишова И.А. Рабство на Хиосе // Рабство на периферии античного мира. Л., 1968. С. 170; Cook J.M. Old Smirna. P. 14.

²⁴ Томенев А.И. История античных рабовладельческих обществ. М.; Л., 1935. С. 13; cf.: Snodgrass A.M. The dark age of Greece. P. 378–380.

²⁵ Доватур А.И. Аграрный Милет. С. 27–30.

²⁶ Аналогичные методы обработки пахотной земли (двухразовая вспашка, воловья упряжка, наемные работники) описаны в «Трудах и днях» младшего современника Гомера Гесиода (ст. 405 sqq).

²⁷ Сравнению дворцов и садов, описанных у Гомера, и ассирийских дворцовых комплексов (в том числе и садов этого времени) посвящена статья Э. Кука «Ближневосточные источники для дворца Алкиноя» // Amer. J. Archaeol. 2004. P. 43–71.

²⁸ Яйленко В.П. Архаическая Греция... С. 25; Boardmann J. Greek Emporio. London, 1967. P. 4 sqq; Snodgrass A.M. The dark age of Greece. P. 424, 426; 426, fig. 133; cf.: Cook J.M. Greek in Ionia and in the East. P. 68–69. fig. 18.

²⁹ Snodgrass A.M. The dark age of Greece. P. 423–424; 424, fig. 131.

³⁰ Ibid. P. 424.

³¹ Об этом свидетельствуют, например, находки терракотовых моделей подобных небольших домов со скамьей вдоль стены в погребениях гомеровского периода (Snodgrass A.M. The dark age of Greece. P. 25, fig. 132).

³² Шишова И.А. Рабство на Хиосе. С. 178–179. – О возможности существования крупных землевладельческих хозяйств в Малой Азии XI–IX вв. до н. э. см.: Roebuck C. Ionian trade... P. 34.

³³ Lemos I.S. The protogeometric Aegean. The archaeology of the late eleventh and tens centuries B. C. Oxford, 2002. P. 148.

³⁴ Cook J.M. Greek in Ionia and in the East. P. 32–33; Snodgrass A.M. The dark age of Greece. P. 435.

³⁵ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. С. 54–55; Snodgrass A. M. The dark age of Greece. P. 425–427, fig. 134.

³⁶ Cook J.M. Greek in Ionia and in the East. P. 31–32; С. 32, fig. 5; реконструкция К. Николса дома с двором, типичного для Смирны позднепротогеометрического периода. См. также план и реконструкцию овального дома X в. до н. э., выполненную им же (Snodgrass A. M. The dark age of Greece. P. 370, fig. 114).

³⁷ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. С. 53.

³⁸ Cook J.M. Greek in Ionia and in the East. P. 33.

³⁹ Ibid. P. 31–32; С. 32, fig. 5; P. 33, fig. 6; Snodgrass A.M. The dark age of Greece. P. 379, fig. 116; P. 380, fig. 117 (терракотовые модели зернохранилищ из погребений и реконструкция зернохранилища в Смирне протогеометрического периода).

⁴⁰ Папазоглу Ф.К. К вопросу о преемственности общественного строя в Микенской и Гомеровской Греции. С. 32.

⁴¹ Свенцицкая И.С. Положение зависимого населения в Малой Азии V–IV вв. до н. э. // ВДИ, 1967, № 4. С. 80–103; Лаптева М.Ю. Смута в архаической Ионии // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 19–21.

⁴² См. сноску 19.

⁴³ Свенцицкая И.С. Некоторые проблемы... С. 55.

⁴⁴ Об особенностях разделения земли в период миграций в постмикенское время см.: Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 12–24. – Автор справедливо считает, что филы, в том числе ионийские, в силу своего кровного и религиозного характера в тот период не могли стать основой для образования поселений и руководить разделом земли между поселенцами.

⁴⁵ Вероятно, у Алкиноя есть еще хлебные нивы, рабыни в его доме заняты помолом зерна (VII, 103–104).

⁴⁶ Cook E. Near Eastern sources for the Palace of Alkinoos // AJA. N. 108. 2004. P. 43–71.

⁴⁷ См. сноску 15.

⁴⁸ Greaves A.M. Miletos: A History. P. 30–32. – А. Гривс отмечает, что в процентном отношении кости домашних животных в геометрических слоях Милета преобладают (99%) по сравнению с костями диких животных.

⁴⁹ Coldstream J. Geometric Greece. P. 312, fig. 100, 313.

⁵⁰ Od., XVII, 291–295 (Охота с собаками в доме Одиссея); Greaves A.M. Miletos. P. 32 (кости диких животных в слоях постмикенского Милета); Bean G.E. Aegean Turkey. P. 244–245 (о рыбных промыслах Миунта).

Статья принята к печати 5 мая 2007 г.